



Мост – излюбленный образ в формировании символа города, его бренда и собирательного имиджа. В эссе предложена интерпретация мифопоэтики мостов – одной из самой неоднозначной, загадочной и привлекательной типологической «ниши» в архитектуре.

Ключевые слова: мост; мифопоэтика архитектуры; архитектурный образ; имидж города; смысл и значение в архитектуре. /

The bridge is a popular image of formation of the city's symbol, brand and composite character. The essay proposes interpretation of the mythopoetics of bridges, one of the most ambiguous, mysterious and attractive typological niches in architecture.

Keywords: bridge; mythopoetics of architecture; architectural image; image of the city; sense and meaning in architecture.

< Рис. 1. Александр Бродский и Илья Уткин. Город-мост, 1984 г.

Мост / The Bridge

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Мост через Пропасть – архетип Арки. И хотя не все мосты арочные и не все – через пропасти, равно как и не всякая арка служит мостом, в архетипе как форме символической соединяются сущности, сводя разнообразие существующего. И на этом всякое сведение, связанное с мостом, заканчивается.

Мост есть воплощенная связь различного и разделенного, преодолевающая непреодолимое. Разделенное с обретением связи не становится целым, различие сохраняется, но теперь это связанные судьбы, пусть их разрывание не всегда синхронно, симметрично или равноправно. Но мост – великий уравниватель, он приводит соединяемое им к согласию.

С точки зрения топологии пространства, мост есть оптимальное и искусное решение задачи на нахождение кратчайшего пути: преодолевая складки Природы, он сам являет собою искусственную складку ландшафта, доопределяющую его.

Мост кодифицирует прыжок – преодоление своей Пропасти, чему типологически соответствует пролет. Поэтому

мостом не является дорога – как бы выразительна она ни была – по дамбе или даже плотине, вроде плотины Гувера, которая, несомненно, есть хорошо организованное место, но это место транзита (пусть и сопровождаемого видами), и это не столько транзит по плотине, сколько... в поперечном направлении: там гораздо активнее движется вода, людям же дозволено лишь созерцание...

Мост – именно служение. Арка может служить мостом, а может и нет, может быть вообще свободной от всякого служения, вроде пустопорожней дуги Ээро Сааринена в Сент-Луисе. Но мост – работа и служба, где нельзя отступить и подвести. Служба же – это не функция, но миссия.

Мост всегда прочен. Это качество следует из доблести служения, а также из естественного отказа называть что-либо мостом, коли использовать в таковом качестве его не представляется возможным. Повторим: речь о миссии, о свете над событием Дороги, влекущей в миры возможностей и открытости, а не о функции, исполнении которой можно было бы поручить случайному предмету. Так камень можно использовать в качестве молотка, остановившись ненадолго на ремонт; но камень всегда может предательски расколоться: все функционирующее – временно¹.

Мост умышлен, его присутствие в высшей степени неслучайно. Польза моста намного превосходит утилитаризм переправы. Факт этот скрытый, но никогда не бывший тайной: мифопоэтика мостов, их ритуальное значение известны испокон.

Впрочем, прочность мостов – это еще и вопрос строительной жертвы. Ее поздним, по внешности рациональным субститутом стала традиция проверки сдающегося в эксплуатацию моста, при которой по мосту едут груженые камнями телеги (грузовики, тракторы или танки), а под мостом в утлой лодчонке ожидает своей участи архитектор или инженер. Что бы ни произошло, чем бы ни завершилось испытание – он-то уже в символическом аду, в эмоциональной пропасти (все эмоции остановлены, все в прошлом), в готовности пропасть за свои грехи, вольные или невольные. Мало где жертвенность автора достигает такой силы, и уж точно нигде – такой наглядности.

в Рис. 2.

Мост Ракотцбрюке (Чертов мост), Германия, 1863 г.





^ Рис. 3. Мост Алькантара на реке Таго, Испания, 104 г.



^ Рис. 4. Каменный мост "Калогерико", Загорохорья, Греция, 1814 г.

Мост – очень большой монополист на выразительность; он готов делить свою власть лишь с Башней, а уж если с Аркой – то под собой или в составе Башни. Оттого мост, «усиленный» арками по сторонам (для натяжения вант, держащих его или делающих вид, что держат) много теряет в символической целостности и смысле. Арочные фермы, особенно в исполнении В. Г. Шухова, который, кстати, размещал их и внизу проезжего полотна моста, еще терпимы в силу их очевидной симпатической вовлеченности в работу, но арки вантодержания уже лишь коннотируют работу, пусть бы и реально ими исполняемую, денотируют же собственную гордыню. И такая пустая денотация заглушает генуинные смыслы моста, превращает его в симулякр самого себя. Это обстоятельство тоже можно преодолеть, имея вкус и талант, а также имея дело с гигантским пролетом, окупающим подобные символические жертвы и даже иной раз выводящим общий символ моста на какие-то новые горизонты. Но его слишком часто игнорируют инженеры, ослепленные выморочной пластикой и возможностями своих конструкций и нечуткие к мифопоэтике: таков Puente Bac de Roda (мост Калатравы) в Барселоне, мост им. Кубичека в Бразилиа и, увы, не только они.

Возможно, мост – не вполне архитектурная форма; или уж такая форма, что стоит лишь одной ногой в типологии сооружений. Но это и есть качество моста – стоять разными ногами в разном; есть ли иной способ архитектурно организовать связь? Архитектура трансцендентальна оттого именно, что ее присутствие не есть натуральное наличие. Стояние в разном, принадлежность различному – не уникальное качество моста: таков и портал, и порог. Но мост, в отличие от порога и портала, имеет конститутивную длительность – протяженность, *duree*. Мост обладает положительной темпоральностью движения² по нему, которое в случае порога и портала стремится к исчезновению (что и создает их тайну и обеспечивает их привлекательность). Мост длится, его стороны не сведены. Но мост также и Портал (в эзотерическом смысле) – да еще какой! Универсальная лиминальность мостов хорошо развита в мифопоэтике, в литературе и кино. Мост – граница и переход (явь/навь; добро/зло; живое/мертвое); обмен плененными резидентами; семь

мостов свадебного ритуала; масса «проклятых мостов» по всему свету; битвы за мост и на мосту; Калинов мост русских сказок-преданий (это – плюс к рамке службы)... Торжество, битва, подвиг, измена, засада, убийство, казнь, проклятие, сделка... Мост – аттрактор наиболее сильных переживаний. Мост события, и он хранит свои события, они в каком-то смысле или измерении не заканчиваются никогда. Мост – накопитель состояний: совместные стояния (со-стояния) человека и бытия напротив друг друга, случившись однажды, не покидают его. Мост – посредник, Портал между несведенным³. И мост властно предъявляет требование вступившим на него – принять на себя часть его груза, его воспоминаний и символических обязательств, требует вступления в открытость. На такой поступок, на жертву, способны не все: плата за переход бывает не по силам; и стоит ли удивляться существованию гефирофобии – боязни пересечения мостов?

Единство несведенного придает важность третьей стороне моста – промежуточному, тому, что расположено между берегами помимо моста. Если «берега» – чем бы они ни были и как бы далеко друг от друга ни находились – образуют пару, то Мост и его Пропасть – еще более сильная пара. Это и гештальтиская фигура-фон, со всеми прелестями эстетической инверсии: без моста бездна «мала», ее нелегко оценить, в т. ч. и по масштабу.

Мост – четверичность (квадрант) левого и правого, присутствия и отсутствия. Именно мост проваливает отсутствие в Тартар, а обрушение его самого в пропасть – символ (временной) победы сил Зла (что обыграл Толкиен в сцене поединка Гэндальфа с Морийским Балрогом на мосту Казад-Дума). Мост – не отдельная конструкция в центре модели мироздания: он единство или обвод всего. Исчезновение пропасти столь же оглушает мост, сколько обрушение моста драматизирует пропасть.

Мост – и точка, и линия в ландшафте. Обладая пространственной протяженностью, мост, будучи втянут в масштабные игры с картами, может предстать точкой. Но уж если это точка, то такая, движение которой не только порождает линию (по известной графеме П. Клее); оно раскрывает все линии, явно или потенциально связанные с этим местом. И все же в сути своей Мост – не точка, но топос (ведь феноменологически Ме-

1. «Ствол упавшего дерева, всегда служивший нам мостом, скрылся под бурлящими волнами» (Ф. Грегори, «Привилегированное дитя»)

2. Другим архитектурным элементом, обладающим и лиминальностью, и неотъемлемой протяженностью, является тоннель. Но тоннель – «труба», образ пещеры; его дление драматично, если не трагедийно. Мост же, в отличие от тоннеля, форма легкая, его пространство светлое

3. «Св. Бернар говорил, что римский понтифик, как следует из этимологии имени, служил мостом между Богом и Человеком ([в] «Трактате [о] правах и обязанностях епископов»). В силу этого радуга – естественный символ понтификата, – читаем в «Энциклопедии знаков и символов» – в источнике, протезирующем, хотя и не без пробелов, наше утраченное символическое самосознание



^ Рис. 5. Мост им. Ж. Кубичека, Бразилия, арх. А. Чан, 2002 г.



^ Рис. 6. Карлов мост в Праге, мощение

сто несводимо к точке на карте, это не более чем ловушка нашей исчисляющей семиотики). Это не сеть: его дление не бесконечно, и оно само есть локальность бльших масштабов, нежели сам мост и его потребная размерность. В качестве точки (point) мост (pont) пребывает в пространстве легенды дороги (ср. «легенда на дороге») булавочным уколом (i) на планкарте устойчивых перемещений. Однако счастливое совмещение точки и линии (отрезка дороги, который не уступит целому) – не следствие одного только согласования масштабов. Это – топическая особенность мостов (или, если угодно, их понты⁴), свойство их пребывания в пространстве и возмещения занимаемого ими места. Локация имеет продолжение в стороны, бессмысленна без них; но и сам Мост, презентуя оговоренную (как правило – видимую) часть Дороги, задает ей смысл, стиль и камертон.

Представляя Дорогу как протяженное целое или как тип, Мост неизбежно выпадает из простой презентации наличного и образцового и впадает в репрезентацию, тем самым предъявляя Дорогу в ее несамобытных образах. Это окаянство (т. е. собственно репрезентация) уводит топические смыслы Моста от данной (в опыте) явленности, равно как и от телесной и визуальной памяти этой-вот-дороги, уводит куда-то в сторону – уже не ввысь и не вниз, не по стреле пути и не по потоку, путем пересечения. Уводит в воображаемое, перегружая и без того насыщенную карму Моста, что не столько угрожает мостовой прочности, сколько обогащает его «инструментальность» в отношении человеческой души и чувства: дает еще несколько ключей в связку для доступа к каждому. Будучи едва ли не самой «местной» из человеческих построек (уступая в этом лишь некоторым башням, но с башнями, как мы заметили, мосты дружат и нередко образуют неразрывную пару), Мост одной из своих опор зиждется в Утопии, чем, вероятно, и открывает зазор – просвет бытия, или – уж точно – задает площадку, вступление на которую и есть вступление в открытость просвета бытия. Быть может, именно это и стоит называть Местом – Мостом отсюда в иное? Место не создается тупым и наивным наличием, оно требует разнесения и трансцензуса. Мост сохраняет свою трансцендентальность; он, в отличие, например, от жилища, никогда

не позволяет себе сжаться в быту или утилитарности, он всегда несколько не здесь⁵ – но... контролируемо, хотя и не вполне безопасно.

Для того, видимо, чтобы удержаться в статусе архитектурной формы (а статус этот легко покинуть), мосту приходится быть волевой формой – самой волевой из архитектурных. Мост формально конгруэнтен власти, его произведшей на свет и им проводимой в мир; формообразование мостов – не тектоника камня, но обнаженный тектонизм силы власти (power).

«Мы построим мост...» – формула усилий по взаимопониманию (пресловутый «мост через рот» у А. Райкина – по существу о том же). Непростая служба «Людей в черном» неслучайно отнесена к Департаменту Мостов и Тоннелей. От комического до трагического, соединяя их, Мост возвышается над всеми нашими системами коммуникаций и над самими коммуникативными способностями. Напрасно мосты прописаны по ведомству специализированной инженерии; им место в универсальной семиотике или, по крайней мере, в конфликтологии.

Мост: мостить, мостовая – мосты чаще всего были замощены, что разительно отличало их от дороги до и после моста, которая могла позволить себе пребывать в слякоти и распутице. Мост – лучшая, наиболее «сделанная» и интересная часть дороги, собственно, он и есть Дорога, ее синекдоха, ее символ. В городе мост – лучшая из улиц, лицо города, как Карлов мост в Праге. И уж если мост соседствует с башней – перед нами узнаваемый паттерн, непременно маркирующий Место.

Мост сам есть Место, Город. Городские смыслы моста очевидны даже там, где место есть, а города нет: он создает очеловеченное место, потенциально способное стать городом; он свидетельствует о вхождении путника в зону ответственности поселения – тем более крупного, чем серьезнее мост. Мост – городская опция, именно мост часто становится символом города. И здесь родство моста и арки заканчивается: город может иметь множество триумфальных арок, но они не годятся на роль городского символа, поскольку их нарратив экстерриториален, пусть бы Арка и стояла в самом центре города.

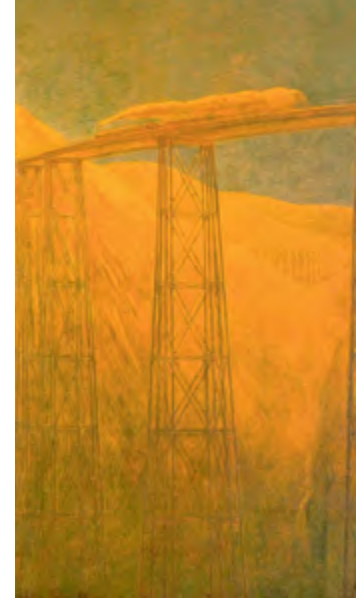
Мост, пожалуй, наиболее темпорально наличествующая, явленная архитектурная форма; время в нем

4. Первым прервал историю этого слова как жаргонизма и ввел его в теоретико-средовой и архитектурный дискурс Г. З. Каганов (возможно, оттого, что он житель и талантливый мифолог Петербурга – города... мостов)

5. А иногда и совсем не здесь, как Литейный мост в Питере, имеющий свойство иногда, в густом тумане, уводить людей и корабли в небытие по своему двойнику-фантому



^ Рис. 7. Мост на острове Скай, Шотландия



^ Рис. 8. Гаэтано Превиати. Тихоокеанская железная дорога, 1915 г.

(на нем) достигает почти гаптического присутствия – становится густым до осязаемости. Портал, окно или арка темпорально контрастны и... «моментальны»; стена, видимо, не имеет родовых темпоральных качеств, а купол, похоже, играет на нашей планете роль «чёрной дыры», втягивающей в себя пространство и время. Мост же расположен во времени, точнее – во временах (и ко временам он тоже расположен). Его дление есть тем самым и временение; его «здесь» протяженно, но и его «теперь» – не миг (возможно, поэтому оно и не ускользает из чувства присутствия и из памяти, как ускользают иные архитектурные формы). С легкостью принадлежа разным берегам, разным местам, он также принадлежит и разным временам, различным темпоральным масштабам. Мост монументален, но не моментален (потому так завораживают трансформируемые мосты, понтонные переправы и плавсредства инженерных войск: они остраивают архетип, создавая, впрочем, обычный прием дизайна в отношении архитектуры). Мост – идеальный монумент, он хранит историческую память места во всей ее мифо-символической целостности и «нагнетенности» (если вспомнить А. Ф. Лосева), чем можно объяснить и его символическую силу, и его брендинговую популярность.

При этом, мост не назовешь прегнанным гештальтом: он всегда «незакончен», не завершен в себе, он – заноза для глаза и чувства; им не успокоишься. Мост, говоря каламбуром, – «нехорошая форма», что, разумеется, никогда не было секретом. Арки, когда они есть, несколько спасают дело, но и они скорее лишь подпевают основной теме моста, приправляют его загадку, камуфлируют тайну.

Мост судьбоносен. Это место встреч и расставаний («...мы простимся на мосту»). Не оттого ли традиция и городская мифология часто приписывают его создание божественным или inferнальным силам, а уж если человеку, то непременно или святому, или продавшему душу дьяволу.

Левое и правое, верх и низ, божественное и inferнальное: Мост – с Ангелом над ним и архитектором в лодке под ним – благословляет этот мир, утверждая в нем равновесие. И, хотя привкус сделки остается устойчивым, не будем забывать: Мост ведь еще и знак Завета.

И нам ли, живущим, давать оценку силам, связывающим все со всем? Так или иначе, несмотря на свою не вполне принадлежность архитектуре – или благодаря ей – именно Мост, а не жилище, не пресловутая хижина Витрувия, и, пожалуй, не менгир (он «прост», он лишь начинает ряд, порождает традицию, он первичен и бессознателен) и даже не Храм (он сложнее во всех смыслах, он рефлексивен и сверхсознателен) сделал человека Человеком, а его постройки – Архитектурой.

v Рис. 9. Мост и Замок св. Ангела в Риме. Ангел, парящий над мостом, задаёт координаты сугубо мостового трансцензуса. Этот римский паттерн потрясающ: мощь присутствия на Месте не уступает мощи точно артикулированного отсутствия - провалу в вечность, в дльщееся "всегда" Истории; интенциональный, волевой вектор не столько упирается, сколько рассеивается округлой несхватимостью Времени. В плане Место представляет собою перевёрнутый восклицательный знак или букву i, что можно уже признать лингвистическим эквивалентом Моста-с-Башней.

